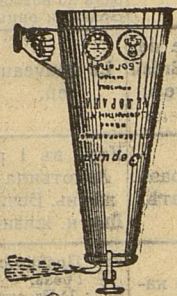

М. И. Дрозжинъ.

Караванная, 24, близъ Невского пр. Телеф. 82—52.

Бриллиантовые, золотыя и серебряныя вещи лучшей работы.

Управляющій Егоръ Ивановичъ ОЛИВЕРЪ.

Пожаръ не страшенъ,

если вездѣ будутъ находиться Огнетушители „ЭВРИКА-БОГАТЫРЬ“, дѣйствуя широкимъ „Лорантиномъ“ (патентъ А. Г. Лорана). ТОЛЬКО „ЭВРИКА-БОГАТЫРЬ“ ТУШИТЬ ВСЕ, даже нефть, керосинъ, бензинъ и т. п. легковоспламеняющіяся вещества. За короткое время СПБ. пожарными командами огнетушителями „Эврика-Богатырь“ потушено свыше 150 пожаровъ. Всѣ Импер. театры, Залы Консерваторій и масса казенныхъ и частн. учреждений обезопасены въ пожарн. отношеніи только аппар. „Эврика-Богатырь“. Требуйте брошюру съ отзывами. Высылаемъ немедленно бесплатно.

Т-во механическаго и дитейнаго завода „Богатырь“.

СПБ. Б. Спасская, 2. Телефоны 89-15 и 217-23.

Единств. представ. для всей Россіи Анж. общ. Густавъ Листъ въ Москвѣ

Къ кохчикъ В. ф. Коммиссаржевской.

Пресса о смерти В. ф. Коммиссаржевской.

Петербургская пресса продолжаетъ высказывать свою скорбь о прекрасной артисткѣ. Сходятся всѣ направленія въ искусствѣ—модернисты и реалисты, всѣ партіи въ политикѣ—лѣвые и правые—такова великая примиряющая сила искусства, его большихъ художниковъ.

Александръ Блокъ въ „Рѣчи“ говоритъ отъ имени символистамъ:

Мы—символисты—долгіе годы жили, думали, мучились въ тишинѣ, совершенно одинокіе, будто ждали. Да, конечно, ждали. И вотъ, въ предреволюціонный годъ, открылись передъ нами высокія двери, поднялись тяжелыя бархатныя занавѣсы—и въ дверяхъ—на фонѣ громаднаго бѣлаго театральнаго зала—появилась еще смутная, еще въ сумракѣ, неотчетливо (такъ неотчетливо, какъ появляются именно живые) эта маленькая фигура съ страстью ожиданія и надежды въ синихъ глазахъ, съ весенней дрожью въ голосѣ, вся изображающая одинъ порывъ, одно устремленіе куда-то, за какіе-то синіе, синіе предѣлы человѣческой здѣшней жизни. Мы и не знали тогда, кто передъ нами, насъ ослѣпили окружающіе огни, задушили цвѣты, оглушила торжественная музыка этой большой и всегда пѣвучей души. Конечно, всѣ мы были влюблены въ Вѣру Федоровну Коммиссаржевскую, сами о томъ не вѣдая, и были влюблены не только въ нее, но въ то, что свѣтилось за ея безпокойными плечами, въ то, къ чему звали ея безсонные глаза и всегда волнующій голосъ. „Пожалуйста, вы ничего не забыли. Вамъ просто стыдно немножко. Такихъ вещей не забываютъ... Подайте мнѣ мое королевство, строите, Королевство на столѣ!“

Никогда не забуду того требовательнаго, капризнаго и повелительнаго голоса, которымъ Вѣра Федоровна произносила эти слова (въ роли Гильды въ „Сольнестъ“ Ибсена). Да развѣ это забывается?

Я вспоминаю ея легкую, быструю фигуру въ полумракѣ театральнаго коридора, ея торопливо брошенное привѣтствіе передъ выходомъ на сцену, пожатіе ея маленькій руки въ яркой уборной; ея печальные и смѣющиеся глаза, обведенные синимъ, ея выпытывающія, требовательныя и увлекательныя рѣчи. Она была—вся мятежъ и вся весна, какъ Гильда, и, право, ей точно было 15 лѣтъ. Она была моложе, о, насколько моложе многихъ изъ насъ...

Балетный критикъ, изъ бывшихъ моряковъ, Л. Козляниновъ въ „Россіи“ дѣлитъ воспоминанія:

Мы, молодые только что выпущенные мичмана всѣ знали двухъ юныхъ прелестныхъ сестеръ—дочерей знаменитаго пѣвца. Онѣ съ нами играли въ любительскихъ спектакляхъ, пѣли въ концертахъ, что устраивались въ нашей каютъ-компаніи у церкви Благовѣщенія, тогда такой милой, симпатичной, куда стремились попасть по субботамъ всѣ петербургскія барышни, вся молодежь.

Младшая изъ сестеръ была совершенная цыганка и увлекала своимъ исполненіемъ страстнаго любителя „фараоновъ и гитары“ мичмана С. И. Зилотти.

Старшая—Вѣра Федоровна, мечтательная блондинка, носила тогда по мужу титулъ графини Муравьевой. Но онъ какъ не шель къ этому нервному, живому существу съ прекрасными глазами!

— Въ вашихъ глазахъ—цѣлое море,—говорятъ ей хозяева-адмиралы.—Не наше мутное мелкое море—Маркизова Лужа, а то далекое, синее, безбрежное, глубокое...

Весной въ 1896 году „Вой бабочекъ“ въ Александринскомъ театрѣ. Играетъ Вѣра Федоровна. Мы—ея однолѣтки и друзья пошли „поддержать“ свою любимицу.

Но поддерживать не пришлось. Милая, галантливая Роза—мы гордились ея шумнымъ успѣхомъ, какъ будто всѣмъ намъ, морякамъ, она была и въ самомъ дѣлѣ такая же родная и близкая, какъ ея очи, словно море „лазурью глубокае“...

Фельетонистъ „Новой Руси“, Pierre Pierrot, рисуетъ сцену въ театрѣ, въ первый день, когда стала извѣстной страшная вѣсть.

Вчера, въ одномъ театрѣ, мнѣ нуженъ былъ телефонъ.

Подхожу къ дежурному полицейскому приставу:

— Умерла Коммиссаржевская—разрѣшите переговорить съ ея театромъ...

— Что-о? Какъ?! Коммиссаржевская?!

Я привыкъ къ полицейскому крику. Не одинъ разъ приходилось путешествовать и сидѣть подъ покровительствомъ полиціи.

Полицейскій перекрестился широкимъ, истовымъ, народнымъ жестомъ. На его глазахъ что-то блеснуло.

Мнѣ стало жутко.

Когда театральныи критикъ и полицейскій приставъ сходятся во взглядахъ—это уже жутко. Какъ передъ большой бѣдой или чрезвычайной радостью.

Сегодня я былъ на панихидѣхъ.

Въ „театрѣ Коммиссаржевской“...

Я предлагаю оставить это ставшее, увы, уже историческимъ для насъ имя за театромъ въ Офицерской—навсегда. Пусть это будетъ первый вѣнокъ на нежданную могилу дорогой Вѣры Федоровны. Будутъ, вѣроятно, стипендіи ея имени, будутъ, быть можетъ, театральныи школы въ ея честь, но лучшая память для всѣхъ насъ, для тѣхъ, у кого благороднѣйшія минуты жизни связаны съ незабвеннымъ благоуханнымъ именемъ Вѣры Федоровны—пусть этотъ театръ будетъ посвященъ, какъ безкровная жертва—загробной тѣни прекраснѣйшей изъ прекрасныхъ...

Объ „отреченіи“ Вѣры Федоровны отъ театра говоритъ Ф. Купчинскій.

...Въ послѣдній разъ я видалъ ее уже передъ самымъ Ташкентомъ...

Она играла въ Тифлисѣ.

Тамъ же вылилось опредѣленное рѣшеніе ея воли—покинуть сцену навсегда.

Она говорила съ тяжелой болью объ этомъ рѣшеніи, но крѣпилась и, блѣдная, измученная переѣздами, ежедневной игрой, неудачами, непріятностями, овациями, счетами и проч., закрывала руками лицо и говорила, что смотреть бодро вперед... а глаза наполнялись слезами.

Она слишкомъ много любила искусство, чтобы оставить служить ему въ тѣхъ рамкахъ, которыя остались ему для нашихъ дней.

— Не нахожу словъ, которыми могла бы говорить; должна отойти молчаливо и отхожу безъ упрека...

Она стояла. Дрожалъ голосъ. Слезы спадали съ лица на платье...

Московскія газеты тоже полны статьями о В. О. Въ своей любви къ ней Москва явилась соперницей Петербургу. Объ этомъ говоритъ въ „Рус. Вѣд.“ Н. Эфросъ. Въ Москвѣ В. О. играла впервые въ 1902 г. и скоро

Москва стала соперничать съ Петербургомъ въ восторженной любви къ этой артисткѣ лиризма и духовнаго изящества совершенно исключительныхъ, къ этой художницѣ могучихъ порывовъ, къ этой смѣлой искательницѣ новыхъ путей...

Неустанно искавшая, она много ошибалась. Часто страстно вѣрила въ правоту этихъ ошибокъ. И я не могу не сказать—она была прекрасна, она была настоящей художницей и въ этихъ заблужденіяхъ, во всѣхъ своихъ ошибкахъ. Яркій свѣтъ горѣлъ въ ней—онъ прогналъ бы всѣ случайныя тѣни. И сколько разъ въ послѣдніе годы художественныхъ исканій вдругъ загорался такой силы пламень, что замолкли передъ игрой споры о „школѣ“. Теоретическіе противники сидѣли, замороженные, съ расширеннымъ восторгомъ глазами, съ учащенно стучащимъ сердцемъ. И только наслаждались.

Больше уже не будутъ наслаждаться этимъ творчествомъ, жизнью этихъ глазъ, музыкальностью этого голоса, благородной красотой этихъ сценическихъ переживаній. Захлопнули навсегда книгу, такъ богатую содержаніемъ и въ которой еще столько недописанныхъ страницъ.

Э. Бескинъ въ „Ран. Утрѣ“ вспоминаетъ:

О ней когда-то шутили:

Она изъ большой фамилии: К-о-м-и-с-с-а-р-ж-е-в-с-к-а-я.

Въ самомъ дѣлѣ—шестнадцать буквъ.

Но вскорѣ шутка презратилась въ дѣйствительность.

Фамилія стала большой.

Помню—водевиль „Цыганка“. Есть такой. Его особенно любила Коммиссаржевская.

Въ черномъ, жгуче-черномъ парикѣ, съ мучительнымъ взглядомъ большихъ, задумчивыхъ очей Коммиссаржевская-цыганка исполняла, сама себѣ аккомпанируя на гитарѣ, нѣсколько романсовъ.

И это уже былъ не водевиль. Это была уже та драма, которую она принесла съ собой на сцену.

Въ пѣснѣ. Въ звукахъ романса.

Драма, ярко пробивавшаяся сквозь слезу низкаго грудного голоса. Драма тихаго страданія. Драма подавленныхъ стонѣвъ.

Когда Коммиссаржевская, послѣ долгихъ колебаній, согласилась пойти на казенную сцену, закулисные интриганы первымъ дѣломъ предъявили къ ней обвиненіе:

— Она создаетъ на сценѣ „Дѣтскій садъ“.

Въ исторіи развитія таланта Коммиссаржевской, тяготящей вообще къ углубленнымъ примитивамъ, упрощеніямъ, этотъ „дѣтскій“ періодъ сыгралъ несомнѣнно видную роль.

Онъ былъ тѣмъ поворотнымъ пунктомъ, отъ котораго она дошла до проникновенной глубины сестры Беатрисы, Норы, Гильды.

Все громадное значеніе его, видимо, понимала и сама Коммиссаржевская, остановившаяся два года тому назадъ въ Москвѣ для юбилейнаго спектакля опять на подросткѣ:

„Дикарка“.

Это—законченный кругъ. Это—логически завершенное звено исканій.

Тѣхъ исканій, которыя такъ дороги въ Коммиссаржевской и ея театрѣ.

Они начались 17 лѣтъ тому назадъ, съ ея водевиля, и закончились въ примитивѣ Метерлинка, въ сковающей ужасомъ простотѣ Ибсена.

Въ послѣднемъ ряду у прохода, въ дни, когда выступала Коммиссаржевская, можно было всегда замѣтить старушку. Гладко зачесанную, въ неизмѣнномъ черномъ платьѣ.

Эта была мать артистки.

на лицѣ старушки сіяло счастье. И когда, бывало, пожмешь ея руку и поздравишь съ успѣхомъ дочери, у нея не было силъ отвѣчать.

Она плакала.

Отъ счастья.

Въ „Утрѣ Россіи“ сообщается, что

На дняхъ М. Н. Ермолова въ кружкѣ своихъ друзей, гдѣ говорили о болѣзни Коммиссаржевской, сказала:

Коммиссаржевская теперь самая талантливая артистка въ Россіи.

И въ скромномъ признаніи великой русской артистки заключалась лучшая и справедливѣйшая оцѣнка Коммиссаржевской.

Она умерла, заканчивая кругъ своихъ страстныхъ сценическихъ исканій, которая отъ „Безприданницы“ и „Дикарки“ бросала ее къ „Геддѣ Габлеръ“, „Сестрѣ Беатрисѣ“ и „Норѣ“.

Отъ быта—къ мистикѣ, отъ реальнаго—къ стилизаціи.

И въ этихъ лихорадочныхъ исканіяхъ Коммиссаржевская, какъ созданная ею чеховская Нина Зарѣчная, съ мучительной тоской каждый разъ сознавалась:

— „Это не то... Не то... Все не то“.

А это „то“ было впереди. Это „то“ было быть, отъ котораго загорѣлся ея чудный талантъ и къ которому она неизбежно должна была вернуться.

Съ христіанской „обреченной“ мученицей сравниваетъ В. Θ. С. Яблоновскій въ „Рус. Сл.“:

Она пришла сразу сильная необыкновенной нѣжностью, кротостью и вдохновеніемъ.

Хрупкая и сильная до послѣдней степени. Сильная душевною силой, которая у этихъ особенныхъ натуръ словно прямо отъ Бога.

Такою силой обладали юныя христіанскія мученицы, когда могли онѣ итти на костеръ, на разтерзаніе звѣрей, на всѣ страданія и пытки, съ горящими вдохновеніемъ глазами, съ полной свѣтлою радости душою...

Вы помните этотъ первый періодъ знакомства нашего съ Коммиссаржевской?

Вѣдь въ залѣ не было равнодушныхъ; вѣдь зрители не говорили спокойно:

— Да, вотъ это очень недурно, это хорошо, это слабѣе, нѣтъ, зрители были въ плѣну, въ радостномъ счастливомъ плѣну, и переживали то, что переживалось, я помню, на спектакляхъ Стрелетовой, на спектакляхъ Иванова-Козельскаго—этихъ громадныхъ и недостаточно цѣнныхъ, теперь волшебниковъ сцены.

Она подходила подчасъ къ самымъ среднимъ произведеніямъ драматурговъ, и образы, у авторовъ только приличные, наполнялись такою красотой, такимъ творческимъ содержаніемъ, о которыхъ драматургу и не снилось.

Въ особую заслугу покойной „Гол. Москвы“ ставить ея поѣздки по провинціи:

Я увѣренъ, что никто изъ русскихъ артистовъ не пользовался такой огромной популярностью, какъ Вѣра Фѣдоровна. Я могу себѣ представить обывателя, который не знаетъ о Савиной или Ермоловой, но чтобы кто-нибудь не зналъ Коммиссаржевскую,—это невозможно. Это—положительно невозможно! Я говорю это, какъ человѣкъ, извѣдившій Россію вдоль и поперекъ и видѣвшій Коммиссаржевскую въ десяткѣ городовъ.

Обаяніе ея имени кроется не только въ исключительности ея таланта, не только въ особенныхъ, только ей одной свойственныхъ тонкихъ его оттѣнкахъ. Нѣтъ. Тяжелой скитальческой жизнью она выполняла высокую культурную миссію и въ сѣреную мглу затхлой провинціальной жизни вносила яркій факелъ святого искусства. Только тотъ, кто самъ жилъ въ провинціальной глуши, знаетъ, какимъ праздникомъ были всегда гастроли Коммиссаржевской, съ какимъ трепетнымъ восторгомъ ждали ея приѣзда, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ея мучительными исканіями, ярко отражавшимися на репертуарѣ. И, навѣрное, ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, не было у Вѣры Фѣдоровны болѣе чуткой, болѣе отзывчивой аудиторіи, чѣмъ въ скромныхъ провинціальныхъ театрахъ.

Почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ открыта подписка на вѣнки для возложенія на гробъ любимой артистки. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, по почину учащихся, будутъ отслужены панихиды.

Родные артистки получили многочисленныя телеграммы изъ Петербурга, Москвы и провинціи съ выраженіемъ соболѣзнованія.

Ни со стороны ташкентскихъ властей, ни со стороны петербургскихъ властей препятствій къ перевезенію тѣла В. Ф. въ Петербургъ не встрѣчено. Тѣло отбудетъ въ пятницу, 12 февраля, вечеромъ, изъ Ташкента. Сопровождать его будетъ артистъ Зоновъ. Остальные артисты труппы В. Ф. остаются въ Ташкентѣ до выздоровленія своихъ товарищей. Предполагаютъ, что тѣло прибудетъ въ Петербургъ 17

или 18 февраля, когда и состоятся похороны.

Въ Москву навстрѣчу останкамъ В. Ф. выѣзжаютъ близкіе и родные покойной и нѣкоторые артисты Драматическаго театра.

Извѣстіе о смерти В. Ф. Коммиссаржевской въ буквальномъ смыслѣ потрясло многихъ членовъ Думы, оппозиціи и центра. Со всѣхъ сторонъ неслись слова скорби и тоски по поводу совершившагося.

— Это была не только великая артистка, но и великій человѣкъ!—говорилъ депутатъ Гегечкори.

— Смерть В. Ф. Коммиссаржевской, это—національный трауръ, такъ какъ и при жизни В. Ф. была національной гордостью,—говоритъ депутатъ Шингаревъ.

На гробъ предполагается возложить многочисленныя вѣнки.

Послѣднія дни В. Ф. Коммиссаржевская чувствовала недомоганіе еще въ началѣ гастролей въ Ташкентѣ, но крѣпилась. Во время послѣдняго спектакля она играла совершенно больной. Критикъ ташкентской газеты „На рубежѣ“, давая отчетъ о спектакляхъ, бросилъ артисткѣ упрекъ, констатируя исчезновеніе ея таланта. В. Ф. были возмущена. Во время хода пьесы „Бой бабочекъ“ В. Ф. открыто заявляла о своемъ нездоровьи и просила не подавать ей руки. По окончаніи спектакля она слегла. Зараженіе оспой послѣдовало черезъ соприкосновеніе съ парикмахеромъ, который оказался больнымъ. Когда состояніе здоровья В. Ф. стало опаснымъ, то въ ночь на 10 февраля къ ней былъ приглашенъ священникъ со святыми Дарами, который принялъ послѣдній вздохъ умирающей.

Въ знакъ траура всѣ увеселенія въ Ташкентѣ отмѣнены. По распоряженію губернатора тѣло будетъ провожать на вокзалъ оркестръ музыки.

Группа Новаго Драматическаго театра въ ближайшемъ будущемъ предполагаетъ поставить спектакль, посвященный памяти В. Ф. Коммиссаржевской.

Русское Театральное общество телеграфировало вчера представителю въ Ташкентѣ съ просьбой возложить на гробъ скончавшейся артистки вѣнокъ отъ имени Императорскаго русскаго Театральнаго общества.

Изъ Ташкента телеграфируютъ: тѣло В. Ф. Коммиссаржевской перевезено въ кладбищенскую церковь; гдѣ отслужили первую панихиду. Вѣру Фѣдоровну провожала масса народа. На гробъ многочисленными общественными и частными учрежденіями и отдѣльными лицами возложены вѣнки. Тѣло почившей покоемъ въ запаянномъ цинковомъ гробу.

Сегодня, 13 февраля, въ 3 часа дня, на музыкально-драматическихъ и оперныхъ курсахъ Заславскаго будетъ отслужена панихида по скончавшейся В. Ф. Коммиссаржевской.